

КИНО И ЖИЗНЬ

Не думал Владимир Ильич, что на пятьдесят шестом году жизни ему придется заново открывать для себя мир человеческих отношений. В своем дневнике, который он стал вести в неволе, он с горечью записал: «Экипаж упал духом. Клянут все и за все». Конфликты внутри экипажа, оторванного от всего мира, начались с первых дней плена. Гражданские летчики, в отличие от военных, не связаны жесткой субординацией. Члены экипажа стали обвинять командира в решении на тот злополучный полет. А ведь лететь никто никого не принуждал. Частная фирма — не армия, коммерческий извоз — не боевые действия. Приказов здесь нет.

Шарпатов не меньше других был ошеломлен случившимся. Но, будучи человеком действия, он пытался что-то предпринять, мучительно искал выход из ситуации, казавшейся безнадежной. Но каждое его предложение отвергалось товарищами по плену. «Давайте объявим голодовку. Может нас отпустят», — предлагал Шарпатов. В ответ слышал — нет! «Тогда будем готовиться к побегу: сушить лепешки, добудем карту», — убеждал командир. «Мы не сможем вырваться, тут кругом горы, пустыня, местность заминирована. Все талибы — бородатые, нас быстро опознают», — с раздражением отвечали ему. Он не сдавался: «Тогда давайте отпустим бороды». Вновь — нет! Предложения учить английский язык, установить дежурство по тюрьме — все в штыки.

Шарпатов видел: люди психологически сломлены. Коллективная депрессия в неволе — страшное дело. Тогда он стал разговаривать с каждым членом экипажа. Со вторым пилотом Газинуром Хайруллиным — о полете на самолете. И тот даже предложил оптималь-

ный курс взлета. Но бортиженер Абязов, услышав такое предложение, с раздражением бросил Шарпатову: «Куда ты взлетишь? Разве не видел, сколько в аэропорту автоматчиков и гранатометчиков? Мы даже двигатель не успеем запустить — нас перестреляют! А если кого-нибудь ранят — как в глаза родным будем смотреть?».

Легендарный полет не был столь романтичным как в кино. Он подготавливался долгими месяцами плена, рождался из столкновения характеров, межличностных конфликтов. «В экипаже распри. Время от времени кто-нибудь поджигает фитилек. Мне приходится лишь стискивать зубы», — написал Владимир Ильич в один из октябрьских дней 1995 года.

Пройдут долгие месяцы плена, и в дневнике Шарпатова появятся записи иного содержания: «Обдумываю с Сергеем Бутузовым планы на будущее. Он предлагает очень ценные советы. С каждым удалось поговорить. Сомневающихся нет, надо предпринимать что-то решительное». К тому времени авиаторы учили английский язык, несли дежурство по тюрьме и даже добыли пароли для пролета над территорией сопредельных государств. Правда, Шарпатов оказался единственным в экипаже, кто вырастил длинную бороду.

Наверное, многие зрители запомнили кадры из фильма «Кандагар», где русский летчик учит молодых талибов управлению самолетом. Это уже кино! Шарпатов категорически отказался не только выполнять воздушные перевозки в интересах талибов, но и обучать афганских летчиков пилотированию Ил-76. Но видя такой интерес к самолету, он стал убеждать талибов, что без технического обслуживания он придет в неисправное состояние. Утратить такой козырь, как Ил-76, талибы, естественно, не хотели.